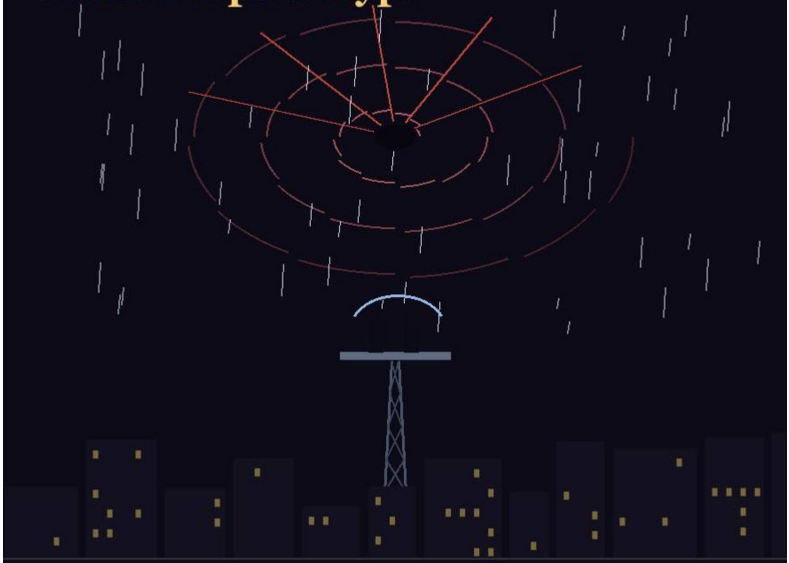
ГОРОДСКОЕ ФЭНТЕЗИ · ЗВЁЗДНЫЙ СВОД · КНИГА ВТОРАЯ

Звезда, упавшая с неба

Часть вторая: Буря

Небо упало не сразу. Сначала оно перестало быть небом.

ЛИС продолжение романа

Шадрин Данил

Звезда, упавшая с неба: Буря

https://litres.ru/74714194
SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение романа «Звезда, упавшая с неба: Начало». Небо над городом упало в одну ночь: воронка над телебашней, армия теней и голос, который назвал себя Люцифером и предложил выбрать — склониться или остаться в ночи. У Максима теперь две беды. Первая: он не умеет ударить — щит умеет только не пускать, и каждый раз, когда он раскрывается, забирает у него кусок памяти. Вторая: Алиса знала, что это начнётся, и молчала. Они идут к воронке через пустеющий город, где людей забирают не тела, а имена. С ними фельдшер, который не помнит своей фамилии, девочка, которой Эфир не берёт, и префект, которому вернули имя, — и он не знает, что теперь с этим делать. Чтобы закрыть врата, кто-то должен остаться в проёме. Обряд не нужно совершать — обряд нужно пережить. Цена не жизнь, а всё, что в этой жизни было. Для тех, кто любит городское фэнтези, где магия не отменяет быт, а стоит ровно столько, сколько стоит человек, который её применяет.

Содержание

Звезда, упавшая с неба: Буря 4
Часть вторая. Продолжение романа «Звезда, упавшая с неба: Начало» 4
ЧАСТЬ ВТОРАЯ: БУРЯ 4
Глава 1: Первый час 6
Глава 2: Щит не умеет бить 8
Глава 3: Имена 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Шадрин Данил Звезда, упавшая с неба: Буря

Звезда, упавшая с неба: Буря

Часть вторая. Продолжение романа «Звезда, упавшая с неба: Начало»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: БУРЯ

Небо упало не сразу. Сначала оно перестало быть небом — и это было хуже всего, потому что город ещё несколько секунд жил по старым правилам: гудели холодильники в квартирах, лаяла собака на третьем этаже, кто-то поставил машину на сигнализацию и она жалобно пищала в темноте. Мир не знал, что его уже переписали.

Максим знал только одно: Алиса не удивлена.

Она стояла у окна босиком, в том самом платье цвета морской волны, и смотрела на воронку над городом так, как смотрят на счёт, который ждали годами. Без ужаса. С уста-

лостью.

— Ты знала, — сказал он. Это не был вопрос.

— Я надеялась, что успею, — ответила она. — Что ты научишься раньше, чем они придут. Что я успею тебя не любить.

Первая фраза была дежурной, вторая — ножом. Максим почувствовал это не сразу, а как-то позже, когда уже схватил с вешалки куртку и сунул ей в руки её же лёгкое пальто.

— Уходи, — сказал он. — Не вместе. По лестнице, вниз, к переходу. Если они берут имена — пусть у меня будет хоть одно, которое они не найдут.

Алиса не двинулась.

— Макс, — она произнесла его имя так, как произносят имя человека, которого уже хоронили в голове. — Они берут имена из списка. Ты в списке стоишь первым не потому, что рядом со мной. А потому, что ты щит. Щит не уходит с ворот.

За окном рухнул свет. Не погас — рухнул, как падает что-то тяжёлое, оставив после себя короткий гул в стёклах. Улица внизу стала другой: фонари горели, но свет не расходился по асфальту, а лежал лужами у столбов, будто его разбили на куски и не собрали.

И тогда он услышал, как в подъезде захлопнула дверь квартира номер девять, и детский голос — тонкий, ещё не испуганный, просто удивлённый — спросил:

— Мама, почему звёзды падают вниз?

Максим сделал то, чего от него ждали все десять недель

его новой жизни: не придумал план, а побежал к двери.

Глава 1: Первый час

Лестница была пахучей — старый бетон, пыль, чья-то жареная картошка из двадцать четвёртой квартиры, всё это разом нахлынуло и стало почему-то невыносимо родным. Максим бежал вниз, держась за перила, и думал не о демонах и не о воронке, а о том, что за десять недель он ни разу не вызвал мастера починить скрипучую ступеньку на седьмом этаже. Странная привязанность к мелочи, которую он не успел починить.

На четвёртом этаже он наткнулся на людей.

Соседей, человек восемь, они стояли на площадке, прижимаясь к стене, и не решались идти ни вверх, ни вниз. В темноте между этажами горел один фонарь, и этого хватало, чтобы разглядеть лица. Женщина с младенцем на руках. Мужчина в пижаме, с телефоном, который он всё ещё держал перед собой, как будто экран мог осветить больше, чем давал. Девочка лет двенадцати, та самая, с тонким голосом, — сидела на корточках у батареи и смотрела не на людей, а в окно лестничной клетки, где падали вниз звёзды.

— Там, — сказал мужчина в пижаме, и голос у него сел. — Там внизу кто-то.

Максим посмотрел.

В лестничном окне, в просвете между домами, по двору

шли тени. Не бежали, не летели — шли размеренно, как идут патрули. Их было много, и у каждой впереди была не голова, а что-то вроде воронки поменьше, затягивающей свет. Ни одна не подняла взгляда на окна. Они не искали. Они обходили.

— Не дышите, — прошептала женщина с младенцем, и это было единственное разумное, что кто-то сказал.

Младенчик, разумеется, начал плакать.

Крик был короткий и страшный в этой тишине. Все увидели одно и то же: три тени в дворе остановились и повернули «головы» к дому. Не вверх — к звуку.

Максим почувствовал, как что-то в нём открылось. Не щёлкнуло, не вспыхнуло — открылось, как открывают дверь, когда не знают, кто за ней. Из груди по рёбрам пошло тепло, и это тепло было настолько живым, что он невольно согнулся.

Тени во дворе рванули к подъезду.

А потом прошли сквозь него.

Вот так — сквозь стену, сквозь лестницу, сквозь них, как проходят сквозь холодный воздух. Женщина вскрикнула и прижала ребёнка к себе так, будто могла закрыть его целиком. Мужчина в пижаме выронил телефон. Девочка у батареи не вскрикнула — она только втянула голову в плечи.

Никто не умер.

Максим стоял, расставив руки, и чувствовал, как где-то внутри него гаснет что-то маленькое и тёплое. Он не знал,

что именно погасло. Он понял это только через минуту, когда попытался вспомнить, как зовут его мать, — и не вспомнил. Не «забыл на секунду», а обнаружил пустое место, аккуратно вырезанное, как вырезанное слово из письма.

— Всё, — сказал он, и голос его был чужим. — Всё, они ушли.

Тени ушли во двор и стали расходиться дальше, к соседним домам, к своей работе — обходить, забирать, отмечать.

Женщина с ребёнком сползла по стене и заплакала. Мужчина в пижаме поднял телефон, посмотрел на погасший экран и сказал то, что все думали:

— Связи нет. Совсем.

Девочка у батареи подняла голову и посмотрела на Максима. В её глазах не было ни благодарности, ни страха — только внимательное, неприятно взрослое любопытство.

— Ты их закрыл, — сказала она. — А они теперь знают, где ты.

Её звали Нина. Он узнает это позже, а пока просто кивнул, потому что спорить было нечем, и спросил, есть ли у кого-то в подъезде вода, чайник и хотя бы одна свечка.

Из всех слов, которые остались ему на эту ночь, «чайник» было самым человеческим.

Глава 2: Щит не умеет бить

Вернулись на девятый этаж — потому что девятый был

выше двора и ниже крыши, а крышу, как объяснила Алиса, они начнут проверять первой. Квартира Максима показалась ему чужой: те же журналы на полу, тот же диван, на котором он месяц назад принёс с балкона тело девушки, весившей, как пальто.

Алиса поставила чайник. Это было так не к месту и так нужно, что он сел на край дивана и посмотрел, как она наливает воду, и почувствовал к ней благодарность, смешанную с тем самым ножом.

— Объясни, — сказал он. — Всё. По порядку. И не ври, у меня теперь нет памяти, чтобы проверять тебя на нестыковки.

Она поставила перед ним кружку и села напротив, забрав ноги на кресло, как делала, когда хотела быть меньше, чем была.

— Врата между мирами не закрываются сами, — начала она. — Их закрывают. Каждый раз, когда мир начинает прорастать в другой, кто-то должен встать в проём и сказать: сюда. Дальше — нет. Это называется обряд. Тот, кто встаёт, платит памятью. Не годами, нет — деталями. Вкусом чая. Лицом сестры. Именем того, кого любишь. Так накопилось много обрядов и мало того, кто их помнит.

— Свод, — сказал Максим.

— Звёздный Свод, — кивнула она. — Мы — те, кто помнит. Не имена, не даты. Мы помним, как закрывать. Я Дитя Свода, последнее, у которого ещё осталось достаточно, что-

бы отдать.

Пар от кружки поднимался и таял. Максим пил чай и ловил себя на том, что не может вспомнить, любит ли он этот чай — раньше любил, он точно помнил, что раньше любил, а теперь не знал, нравится ли ему это сейчас.

— А я? — спросил он.

— Ты щит, — сказала она и посмотрела в окно, чтобы не видеть его лица. — Ты не можешь закрыть врата. Ты не можешь ударить. Ты можешь только встать между и не пустить. Когда ты открылся на лестнице, ты не ударил их — ты стал стеной, через которую нельзя. Они прошли сквозь подъезд, потому что ты держал только это. Только здесь.

— И я заплатил.

— Ты платишь всегда, Макс. Просто раньше ты не замечал, чем.

Он вспомнил пустое место вместо имени матери и почувствовал, как по спине прошёл холод, не имеющий отношения к ночи.

— Сколько у меня осталось?

Алиса молчала так долго, что чай остыл.

— Столько, сколько нужно на один большой щит, — сказала она наконец. — Или на много маленьких. Выбирать тебе. Но знай: они берут имена. У Рейдеров есть список, и в нём те, кто мешает. Твоё имя вверху. Моё — под твоим.

— Рейдеры?

— Те, кто собирает. — Она кивнула на окно, во двор, где

уже расходились тени. — Демоны Эфира не приходят сами. Их приводят. Тот, кто ведёт список, называется префект. Сегодня он здесь. Я чувствую, как метка тянет вниз.

На лбу у неё, под чёлкой, тускло блеснуло. Максим видел эту метку впервые в жизни — тогда, на балконе, она была почти чёрной и пульсировала. Теперь она стала светлой и тянула, как тяжёлый заклёпка.

— Значит, — он поставил кружку, — если он ведёт список, список можно изменить.

— Нельзя.

— Алиса. — Он посмотрел на неё впервые за вечер, а не сквозь неё. — Я инженер. Я десять лет чинил то, что по инструкции не чинится. Объясни мне список так, будто я смогу его сломать.

Она улыбнулась — коротко, криво, как улыбались в её мире, наверное, до всего этого.

— Имя — это не слово, Макс. Имя — это то, сколько тебя помнят. Убери, кто помнит, — и имя из списка выпадет.

В квартире на двадцать четвёртой этажом ниже заплакал ребёнок, и этот звук был таким обычным, что оба вздрогнули.

— Тогда, — сказал Максим, — будем помнить друг друга.

Глава 3: Имена

Утро не наступило. Это заметили все, кто дожил до де-

вяти часов: небо над городом оставалось тёмным, а воронка висела ровно над центром, не двигаясь, и не становилось ни светлее, ни темнее. Время шло по часам, которых больше никто не слышал.

Максим вышел в подъезд и насчитал на стенах семь имён.

Не надписей — именно имён, выцарапанных там, где до него никто не трогал краску: на почтовом ящике, на перилах, на лифтовой шахте, на плитке у мусоропровода. Семь имён, и ни одно он не знал. Под каждым была дата. Все даты — сегодняшние.

— Это не они, — сказала Алиса, стоя за его спиной. — Это те, кого забрали. Их имена оседают здесь, как пыль.

— Что значит «забрали»?

— Те, кого нашли в списке, исчезают. Не умирают. — Она помедлила. — Уходят туда, откуда их помнят хуже. Их тела остаются на неделю, потом становятся чужими, потом их никто не видит.

На девятом этаже они нашли мужчину в пижаме. Он сидел на своей лестничной площадке, обняв колени, и звали его, как выяснилось, Тимур, и он был фельдшер, и он не мог вспомнить ни одной фамилии.

— Я помню, что работаю, — сказал он, и голос у него был спокойный, что пугало больше слёз. — Я помню, что у меня сумка с красным крестом. А чья сумка — не знаю. Я вчера двоим помогал. Обоих не помню. Они, наверное, тоже не помнят меня. Вот и всё, ребята. Мы теперь те, кто не помнит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.